

Частный детектив
Татьяна Иванова

МАРИНА СЕРОВА

Охотник на
знаменитостей

144 стр.

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Охотник на знаменитостей

«Научная книга»

Серова М. С.

Охотник на знаменитостей / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

Если бы не пропажа конверта с долларами, смерть видного актера могла бы считаться естественной. Перенесший два инфаркта тенор расчувствовался во время чествований, эмоции переметнули через край... Но зачем ему понадобилось надевать перед смертью маску паяца? И кто усадил мертвого в кресло? Эти вопросы не дают покоя детективу Татьяне Ивановой, которая считает себя обязанной раскрыть преступление – актер был ее давним другом...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Марина Серова

Охотник на знаменитостей

Глава 1

Я вертела в руках приглашение, в котором компьютерным способом были напечатаны следующие слова:

«Юбилей заслуженного артиста России Александра Пономаренко. Праздничное мероприятие состоится 20 октября в 17.00 в здании оперного театра».

Внизу была приписка собственной рукой юбиляра: «Таня, приходи пораньше, поболтаем».

Я не возражала насчет того, чтобы поболтать. С Александром Ивановичем мы не виделись уже почти год, даже странно, что он вспомнил обо мне и пригласил на праздник.

Если быть скрупулезной, как дятел, то день рождения великого тенора выпадал на пятнадцатое сентября (надеюсь, память мне не изменяет). Однако торжества по этому поводу продолжались, и как раз сегодня представители городских учреждений культуры и общественности чествуют юбиляра. Вечер будет состоять из двух частей: торжественной и развлекательной. В течение первого часа чиновники разных рангов будут заверять Александра Ивановича в том, что он гениальный артист и гордость России, что культурная жизнь города невозможна без звучания его голоса и что пятьдесят лет – это не возраст и жизнь только начинается. Затем состоится премьера нового музыкального спектакля с известным названием – «Ромео и Джульетта», где Пономаренко будет исполнять партию брата Лоренцо. Для тех, кто уже забыл, в чем суть, напомню: брат Лоренцо был монахом, который покровительствовал двум влюбленным и стремился помочь им воссоединиться для вечной любви. Только организовано это было не слишком тщательно, в результате чего Ромео отравился, а Джульетта покончила с собой при помощи холодного оружия. В общем, уже несколько столетий народ льет слезы по двум несчастным, которые погибли так глупо.

С Пономаренко я познакомилась года три назад на презентации, которую устроил супермаркет «Золотое руно», где Александр Иванович должен был тешить гостей исполнением арий из опер. Я так и не оценила бзик, втемяшившийся в серое вещество устроителей вечеринки. Обычно на подобные мероприятия приглашают какую-нибудь поп-команду, девушек из кабаре с голыми лоснящимися ногами, растущими прямо из-под мышек, или местного Жванецкого, но не человека, который всю свою сознательную жизнь академическим голосом пел арии из опер. Получилось так, как и должно было быть: народ скучал, взирая на сияющее лицо человека, который был уверен в том, что доставляет несравненную радость господам, которые не могли отличить ноту ля от выражения про «твою мать». Все облегченно вздохнули, когда Пономаренко закончил свое выступление под жиденькие поносные аплодисменты, и с оживлением беглых гладиаторов под предводительством Спартака ринулись к столу. Александра Ивановича сие отношение совершенно не смутило, он с радостью опустил во внутренний карман черного фрака конверт со стодолларовой бумажкой и присоединился к участникам банкета. Мы очутились рядом за столом, и вскоре завязался самый непринужденный разговор. Пономаренко оказался жизнерадостным и словоохотливым мужичком, который тут же признался в том, что не устоял перед моими совершенными формами и благородным профилем принцессы Дианы. Честно говоря, я не думаю, что чем-то похожа на ее высочество, но сравнение мне польстило. Артист предложил продлить наши дружеские отношения на этой же неделе, что заставило меня

рассмеяться на весь зал, и это немедленно приковало к нам внимание. Лица манекенов в дорогих вечерних костюмах словно по команде повернулись в нашу сторону, заставив виновников инцидента краснеть и хлопать глазами. Это продолжалось недолго. Александр Иванович вскоре продолжил упражнения в своих шуточках, и, надо признаться, мне было весело.

Мы много танцевали и пили шампанское. Вернее, пила я, потому что Пономаренко сослался на слабое сердце и старательно воздерживался от спиртного. К концу вечера актер и детектив обменялись телефонами и пообещали радовать иногда друг друга своим присутствием.

– Здравствуйте, – услышала я голос, прозвучавший совсем близко.

Ко мне подскочил кругленький человечек с заметным брюшком и в очках, похожих на иллюминаторы морского лайнера. Представительская карточка доверительно сообщала, что со мной разговаривает не кто иной, как администратор театра Федор Иванович Федоров. Интересно получилось – Федор Федоров. Бывает же такое!

– Как мне пройти к Александру Ивановичу? – спросила я. – Он должен меня ждать.

– Пономаренко у себя! Готовится к мероприятию... Если вы хотите пройти к нему в гримуборную...

Комната, принадлежащая Пономаренко, находилась по правой лестнице, в глубине коридора, заставленного элементами декораций к различным спектаклям. Среди многочисленных нагромождений можно было потеряться и блуждать много дней, как Гензель и Гретель в колдовском лесу.

В последнее время директор предлагал Александру Ивановичу занять другую комнату, но тот отказывался, уверяя, что за долгие годы работы в театре привык к этой гримуборной. Тяжело расставаться со старыми друзьями.

Я с трудом дефилировала по темному тесному коридору, задевая плечами фанерные заготовки для декораций, рискуя безнадежно испортить светло-коричневый костюм, надетый специально по случаю большого праздника. Если сюда нагрянут пожарники с инспекцией, то администрации не избежать крупного штрафа.

Я постучалась.

– Входите!

Александр Иванович сидел перед старинным дубовым столом и рассматривал себя в зеркале. Полное лицо со слегка отвисшими щеками, гладко выбритое. Серые глаза с набухшими веками серьезно оценивали собственную внешность. Гримерная была небольшого размера, примерно два с половиной на два метра. У дальней стены примостился стол с трехстворчатым зеркалом, над которым, словно хищная птица, нависала лампа подобие настольной. Еще выше висела старая истрепанная афиша, на которой Пономаренко был изображен в роли короля Лира. Рядом на гвоздике поместилась когда-то белоснежно-белая маска смеющегося паяца с грязноватыми пятнами по краям.

– Танечка! – обрадованно воскликнул тенор, излишне торопливо вскакивая со стула и бросаясь ко мне с воодушевлением пятилетнего ребенка. – Как я рад тебя видеть, ты даже не представляешь!

Мы чмокнули друг друга в губы. Пахнуло одеколоном «Спартак» и губной помадой.

– Проходи... Вот моя святая святых – гримерная, в которой я готовлюсь к спектаклям в течение почти двадцати лет. Сколько грима я наложил на свои щеки – ты даже не представляешь, – несколько бочек! Как ты думаешь, мне загримироваться сейчас или непосредственно перед спектаклем?

Я пожала плечами.

– А как положено?

– Так черт его знает, как быть сегодня. Думаю, в первом отделении мне еще можно побыть самим собой. Затем будет перерыв минут двадцать или тридцать, и, мне кажется, я успею наложить грим.

– Да, пожалуй, так будет лучше, – сказала я. – Кого будете развлекать сегодня?

Пономаренко махнул пухлой рукой.

– Директор решил собрать весь город. Отдел культуры будет в полном составе. Новый мэр, губернатор. Хорошо, что из Москвы никто не приехал, с ними хлопот не оберешься. Потом будет банкет. Не забудь, ты сидишь рядом со мной.

Вот жук. При живой-то жене!

– Что по этому поводу скажет ваша супруга? – усмехнулась я.

Александр Иванович игриво подмигнул мне.

– Ничего не скажет. Она немного приболела и прийти не сможет, я же не собираюсь устраивать откровенный флирт на публике. Просто мне приятно твое общество, к тому же увереннее себя чувствуешь, когда рядом настоящий частный детектив.

Снаружи послышался какой-то грохот, словно при съемках фильма «Назад в будущее» рухнуло фанерное здание городского суда. Проходящий по коридору человек задел плечом кусок декорации. В дверь гримерной осторожно постучали.

– Можно! – крикнул Пономаренко.

Снаружи молчали.

– Танечка, миленькая, посмотрите, кого там ангелы принесли на своих крыльях.

Я подошла к двери, откинула тяжелую бязевую портьеру, прикрывавшую дверной проем, и взялась за массивную ручку времен Екатерины Великой.

В полутемном коридоре виднелась фигура Федора Ивановича Федорова. Он держал в руке букет цветов.

– Заходи, Федор! – кивнул Пономаренко.

Администратор шагнул через порог.

– Букет от губернатора. Извиняется, что не может быть на празднике – срочные дела.

Цветы легли на стол.

– Слава богу, одним меньше! – весело провозгласил тенор. – Однако не ожидал от первого мужика в губернии такой галантности.

– Как ваше самочувствие? – осведомился Федор Иванович.

– Ты что имеешь в виду, старый жук? Я запасаюсь всем необходимым: валидолом, корвалолом, нитроглицерином – всего вдоволь. Пономаренко еще споет для вас! Два инфаркта – это ерунда. Это еще не показатель!

– Если серьезно, как ваше сердце? – встревоженно спросила я. Вот будет номер, если юбиляру станет плохо. Я, конечно, понимаю, что настоящий артист должен умереть прямо на сцене, но не в такой же день.

– Нормально! – весело махнул рукой Александр Иванович. – С утра хорошее настроение, только от выпивки мне придется воздержаться. Ничего страшного, главное – чтобы гости были довольны.

Я запустила руку в сумочку и извлекла на свет гадальные кости.

– Хотите, я вам погадаю?

– О! Знаменитые кубики госпожи Ивановой! Охотно послушаю, о чем они сообщат! – жизнерадостности Пономаренко не было предела.

Гримерный столик был таких небольших размеров, что на нем не уместилась бы даже пачка сигарет «Прима». Я сдвинула в сторону продолговатую коробочку с гримом и бросила кубики.

13+30+8. «Внимание! Рядом неизбежное горе, и оно не заставит себя долго ждать».

Я растерянно смотрела на кости, не решаясь сообщить о результате броска.

– Что? Что там выпало? – весело задергал подбородком Александр Иванович.

Я облизнула верхнюю губу и проговорила:

– Ничего особенного...

Признаться, я растерялась. Выложить все это моему собеседнику – значит испортить ему настроение. В конце концов, неведение – это благо. Отсутствие плохих новостей – само по себе хорошая новость.

– Ну что?! Что это все значит?! – теребил меня за рукав Пономаренко. – Не томите, Танечка! Вы же знаете, как я хочу узнать о своей судьбе!

Я кивнула.

– Все в порядке... Только вам надо будет последить за своим здоровьем. Обязательно. Вы меня поняли?

Александр Иванович не раздумывая вручил мне свою судьбу.

– Конечно! Я сделаю все, как вы скажете! Где тут мой валидол?

Висящий на стене динамик, смотревший на нас своими белесыми решеточками, покрытыми слоем пыли, зашипел, и я услышала голос:

– Александр Иванович! Приглашаем в зал – пора встречать гостей!

– Пора... Пошли, Танечка, надо спешить соблюсти этикет.

Выходя из комнаты, я провела рукой по свисающей портъере. Зачем она здесь? Вся гримерная завешана бязью. Пылесборник, да и только.

Торжественная часть началась на седьмой минуте шестого часа. Как объяснил мне когда-то Александр Иванович, такова была примета.

Зал аплодировал Александру Пономаренко, когда он вышел на сцену и долго раскланивался перед собравшимися.

Затем он занял место в кресле польского производства, обшитом коричневым гобеленом в цветочек, и приготовился слушать приветственные слова.

Я сидела в двадцать первом ряду с самого края, рядом с солидным дядей в костюме в мелкую клеточку. Содержание речей можно было предсказать заранее, для этого совсем не обязательно быть пророком.

Открыл торжественную часть директор театра Марк Израилевич Финдельман, плотный мужчина в очках в тонкой итальянской оправе. Он был краток, объяснив присутствующим причину собрания, о которой те вряд ли догадывались, и почти тут же передав слово гостям.

Умно поступил. Я не особенно вслушивалась в слова, больше разглядывая обстановку, но с усердием девочки-первоклассницы принимая участие в аплодисментах.

Больше всего мне понравился момент, когда мэр города после краткой речи почти незаметно вручил юбиляру конверт, о содержании которого было нетрудно догадаться.

Деньги – это замечательно. Только почему это сделано так стыдливо? Наверное, не слишком достойная сумма для такого человека, как Пономаренко.

Александр Иванович переминался с ноги на ногу, не зная, куда деть этот самый конверт. Наконец засунул его во внутренний карман фрака и успокоился.

Впрочем, добрая половина собравшихся едва ли поняла, что произошло.

Торжественная часть закончилась длительными рукоплесканиями. Они так долго не смолкали, что пришлось вмешаться директору театра.

– Господа! Простите, друзья... – игриво начал Марк Израилевич.

Смех в зале.

– Нас ждет спектакль! Премьера! Давайте позволим нашему дорогому юбиляру отправиться в гримерную и подготовиться к действию. Все остальные актеры уже готовы. Просим отпустить Александра Ивановича. Мы встретимся минут через двадцать. Антракт.

Публика поднялась с мест и отправилась на коллективный перекур. Я встала с места, чтобы пропустить выходящих. При ближайшем рассмотрении можно было понять, что среди

присутствующих в зале людей истинных ценителей оперного искусства было немного. Большая часть оказалась в театре, повинувшись моде присутствовать на престижных мероприятиях города.

Я снова уселась на свое место и продолжала разглядывать обстановку.

Перерыв подходил к концу.

Я взглянула на часы: восемнадцать двадцать. Сейчас зазвучит увертюра и начнется спектакль.

Странно, но дирижер вовсе не торопился взмахивать своей палочкой.

Я снова взглянула на часы: девятнадцать тридцать. Почему задержка?

Директор театра Марк Финдельман сидел в третьем ряду с края. Я увидела, что к нему подскочил Федор Иванович Федоров и что-то проговорил прямо в ухо. Директор поднялся и поспешил к выходу из зала. Я проводила его взглядом, затем тоже встала и пошла следом.

Возле гримерной комнаты Александра Пономаренко собралась кучка народа. Собравшиеся перешептывались друг с другом, вытягивая шеи.

Это мне совершенно не понравилось. Я бесцеремонно растолкала тех, кто стоял на моем пути, и ступила на порог гримерной комнаты.

– Не входите сюда! – предупредил Марк Финдельман. – Федор Иванович, вызывайте милицию...

Я не послушалась. Подойдя ближе, я увидела сидящего на стуле Александра Ивановича Пономаренко, на лицо которого была надета маска улыбающегося паяца. Она была выполнена из папье-маше и изображала смеющуюся рожицу.

Правая рука тенора безжизненно свисала вниз.

Глава 2

Я схватила руку Александра Ивановича и попробовала нащупать пульс.

– У него мог быть сердечный приступ! – сказала я. – Пульс не прощупывается!

В комнату, расталкивая собравшихся, ворвался Федоров.

– Мы вызвали «Скорую помощь», милицию! Что будем делать со спектаклем?

Директор театра покачал головой:

– Наверное, придется отменять. Премьера провалилась.

– Надо же, столько зрителей собралось.

– Забудьте про спектакль. Человек умер, – мрачно произнес Финдельман.

Я сдернула с лица Пономаренко смеющуюся маску. Глаза Александра Ивановича были безжизненны. Я снова попыталась нащупать пульс. Может быть, ему еще можно помочь? Чудес не бывает, но если попробовать?

– Помогите мне...

Трое мужчин осторожно сняли тело со стула и уложили на пол.

– Надо подложить что-нибудь под плечи.

Федоров беспомощно завертел головой.

– Сдергивай портьеру! – кивнул Марк Израилевич.

Администратор потянул на себя ткань, украшавшую стену гримерной. Послышался звук разрываемой материи, и огромный кусок оказался в его руках. Воздух наполнился удушливой пылью, сохранившейся еще с девятнадцатого века.

– Откройте же окно! – рявкнул директор.

Федоров тут же бросился исполнять.

Вскоре свернутый валик был подложен под плечи Александра Ивановича, голова повернута набок.

Я сложила руки ладонь на ладонь и принялась делать ритмичные нажимы на грудную клетку. Собравшиеся внимательно наблюдали за этой процедурой.

Прошло минут десять. Я вся взмокла, но Пономаренко не подавал признаков жизни.

– Приехала бригада «Скорой помощи»!

В гримерную в сопровождении администратора Федорова вошли два врача в белых халатах. В руках одного из них был квадратный черный чемоданчик, другой с трудом нес какой-то замысловатый аппарат.

Врач нагнулся над телом и принялся прощупывать пульс.

– Какие-нибудь меры принимали?

– Пытались сделать массаж. Или как это называется...

– Прошу всех выйти!

Толпясь и натываясь друг на друга, собравшиеся стали выбираться из гримерной. Я не торопилась уходить. Бросив взгляд на гримерный стол, я увидела лежавшую на его поверхности газету бесплатных объявлений, сложенную вдвое. По-моему, до начала мероприятия ее не было! Или я ошибаюсь? Да нет, точно. Я бросала кубики на столе, и никаких газет не лежало.

Я схватила газету со стола, словно это была моя собственность, к тому же представлявшая большую ценность.

– Скорее! Выходите!

Дверь закрылась.

– Скоро милиция прибедет? – спросил Финдельман.

– Мы позвонили. Ждем.

Показался Федоров. Он успел побывать в зрительном зале.

– Что делать будем? Публика уже волнуется.

– Отменять. Принесем свои извинения и вернем билеты.

Дверь в гримерную открылась, и показался врач.

– Милицию вызывали?

– Что...

– Он мертв.

Следственная группа приехала через несколько минут. Что делали молодые ребята в штатском в гримерной Пономаренко, увидеть не пришлось. Тело увезли в отделение судмедэкспертизы, а комнату опечатали.

* * *

Вернувшись домой, я развернула на столе газету, которую обнаружила в гримерной комнате Александра Ивановича.

Она была датирована четвертым октября и вышла за две недели и два дня до сегодняшних событий. Если бы у меня было время осмотреть гримерную, то наверняка появились бы какие-нибудь мысли. Но нет! Вездесущая милиция уже сделала это за меня, не поставив в известность о положении дел. Могли бы и поделиться информацией.

Хотя почему я так страдаю? У меня есть Расторгуев, который не даст пропасть в трудную минуту. А в прокуратуре работает Андрей Мельников. Если уж он не поможет – тогда, что называется, намыливай веревку.

Однако вернемся к печатному изданию.

Первая страница изобиловала рекламой товаров, представляемой супермаркетами и просто магазинами. Вторая была немного скромнее. На ней-то я и увидела объявление о юбилейном вечере Александра Пономаренко в помещении оперного театра. Оно почему-то было обведено красным фломастером. Интересно, зачем?

Я продолжала внимательно всматриваться в страницу. Ну к чему, позвольте вас спросить, Александру Ивановичу нужно было выделять это объявление? Подобные сообщения печатались во всех городских изданиях. Почему именно газета бесплатных объявлений? Непонятно.

«Лопушок» был обведен очень старательно. Линии были прямыми и четкими. Как-то поженски.

Чушь какая-то.

Я листала страницу за страницей, поплеывая на указательный палец правой руки.

Что такое?

На пол слетел какой-то листок, затаившийся между страниц и случайно выпавший.

Я нагнулась и подняла его.

Купон бесплатного объявления. Почему-то не отправленный в газету.

Сообщение предназначалось для рубрики «Послания» и выглядело очень странно:

«ПЕВЦУ:

Забудешь про триумф крылатый,

Когда настанет час расплаты.

ТОТ, КТО ТРЕБУЕТ ОТВЕТА».

Я снова представила себе сидящий на стуле труп со смеющейся маской на лице. Что это была за маска? Она не имела отношения к спектаклю. И потом, эта поза. Когда у человека случается сердечный приступ, он опускается на диван, на кровать, на пол, в конце концов. Ему удобнее лечь, чем сидеть, полусогнувшись, на стуле. Такое впечатление, что тело усадили и придали ему устойчивое положение.

К тому же эта жуткая маска. Именно она не давала мне покоя.

Труп смеется тебе в лицо. Это сделано с умыслом? Или нет?

Трудно представить, что Пономаренко почувствовал сердечный приступ, надел на себя маску паяца и тихо скончался, сидя на стуле.

ТОТ, КТО ТРЕБУЕТ ОТВЕТА.

Какого ответа? Что это значит?

Я снова и снова перечитывала послание. Почему его не отправили в газету? Забыли? Не было времени? Что это за игра такая?

Я извлекла на свет гадальные кости.

Бросок. 13+30+4. «Вы раздосадованы невозможностью схватить то, что было близко от вас и что так неожиданно отдалилось».

Раздосадована – не то слово! Я просто вне себя от бешенства. Мое предыдущее предсказание сбылось так скоропалительно, что у меня просто слов нет – одни буквы. И почему я вдруг успокоилась, сидя в зрительном зале? Что мне стоило сопроводить Пономаренко в гримерную и проследить за тем, как он будет готовиться к спектаклю? Может быть, ничего не случилось бы?!

Я тут же вспомнила об одном лекарстве, в котором нуждается целый ряд больных, даже те, которые страдают отнюдь не сердечной болезнью. Применяется оно в виде аэрозоля. Пшикни такой препарат сердечнику, и это спровоцирует инфаркт. А там и до летального исхода недолго лететь. Отсюда вывод – смерть Пономаренко могла быть не случайна. Это не просто сердечный приступ, это...

...Убийство?!

И кто же таинственный «ТОТ, КТО ТРЕБУЕТ ОТВЕТА»?

Глава 3

Входной звонок прервал мои размышления. Я подошла к двери, посмотрела в «глазок» и, не колеблясь, открыла.

– Танька, привет!

Воздушное пространство коридора тут же наполнилось сладковатым запахом духов «Анаис». Из всех моих знакомых их использовала для привлечения мужских особей только одна женщина – Светлана Савельева.

В течение последних двух лет Светка была, что называется, богатой невестой. Еще бы, обладательница такой антикварной редкости, как талисман, некогда принадлежавший царю Дарию, вполне заслуживала титула Мисс Состояние.

Честно говоря, Светлане пора было подумать о замужестве, потому что годы, как вы знаете, летят и некогда нам оглянуться назад. Поэтому спустя год моя подруга стала потихоньку прислушиваться к предложениям и подумывать о том, чтобы передать свое тело в надежные руки. С этим важным вопросом она почему-то стала обращаться ко мне.

Вот и на этот раз она переступила порог моей квартиры в неизменной норковой шубке и сделала очередное заявление:

– Таня, я хочу познакомить тебя с одним хорошим человеком.

Началось, подумала я про себя.

– И кто же этот счастливчик? – спросила я.

– Его зовут Павел, он работает в акционерном обществе «Доходный дом».

И как эти молодчики находят такие шикарные места?

– И что требуется от меня?

– Нас с тобой приглашают на ужин в ресторан. Посидим, поговорим, а я прошу тебя присмотреться поближе к Павлику и сказать свое мнение.

Надо же, мое мнение, оказывается, кого-то еще интересует.

– И когда наступит этот счастливый момент?

– Все зависит от твоих возможностей. Когда у тебя свободный вечер?..

Глава 4

Прощание с Александром Пономаренко было назначено на двадцать третье октября. Гроб, обитый черным бархатом, привезли в театр и установили в фойе. В три часа дня подъедет бригада, которая организует похороны, и процессия отправится на кладбище.

С десяти утра жители города приходили в театр, чтобы попрощаться со знаменитостью. Цветы и венки благоговейно укладывались у ног артиста, люди всматривались в изменившееся лицо, вздыхали и отходили в сторону.

Я припарковала машину на платной стоянке в ста метрах от оперного, заплатила пять рублей и направилась в театр, где торжественно возложила букет черных роз. С самого утра я специально искала по торговым точкам именно черные розы, и мне повезло.

Я огляделась. Народу было море. Поискав глазами, я увидела супругу покойного Татьяну Николаевну, стоящую поодаль в черной вуали в крупную клеточку, прикрывавшей половину лица. Она принимала соболезнования знакомых, изредка приподнимала краешек вуали и промокала глаза белоснежным платочком.

Татьяна Николаевна была красивой женщиной, с чертами лица, как у королевы Марго. Под левым краем нижней губы виднелась родинка размером с просяное зернышко.

Мы не были лично знакомы с супругой Александра Ивановича, счастье знать о существовании друг друга выпало лишь на мою долю. Это случилось потому, что частный детектив не мог позволить себе быть в неведении о близком окружении знаменитого тенора.

– Здравствуйте, Татьяна Николаевна, – я как бы случайно оказалась рядом. Женщина кивнула, ее губы едва шевельнулись. Мне не терпелось узнать о медицинском заключении, то есть что именно написали эксперты в бумажке, которая в народе именуется справкой. – Меня зовут Татьяна. Мы были знакомы с вашим мужем, в смысле – иногда общались по вопросам культуры и искусства.

Ничего другого мне в голову не пришло.

– Татьяна Иванова, частный детектив? Александр рассказывал мне про вас.

Надо же. И когда успел...

– Каковы результаты экспертизы? – спросила я.

– Ишемическая болезнь сердца.

– И все? – В моем голосе слышалось разочарование народа реформами демократов.

– А что еще? – Глаза женщины смотрели недоуменно.

Действительно, что еще...

Я покачала головой.

– Все не так просто. Мне кажется, его смерть была не случайной.

– Но заключение экспертизы! Согласно ему мой муж умер от сердечного приступа.

– Слишком странный приступ. Человек почувствовал себя плохо, напялил на лицо маску паяца, уселся на стул, чтобы не свалиться, и тихо скончался. Так не бывает.

О странном объявлении в газету я не стала говорить. Рано обнародовать тайны, которые еще не раскрыты.

– Что вы хотите сказать? – с настороженностью пугливого котенка спросила вдова.

– Мне кажется, произошло убийство...

Татьяна Николаевна молчала, обдумывая мои слова. Зерно сомнения было посеяно, надо ждать всходов.

– Вы уверены в этом?

Честно говоря, половина на половину. Но вслух я этого произносить не стала.

– Конечно, уверена! Слишком странные обстоятельства, вам это не кажется? Нам с вами будет полезно знать правду. Что вы думаете по этому поводу?

– Какую правду? – устало произнесла женщина. – Нужна ли она, эта правда?

Я поняла, что сейчас не самый подходящий момент, чтобы давить на свидетеля, и решила отпустить поводья.

– Мне хотелось бы поговорить с вами вечером. Сегодня это можно будет сделать?

Татьяна Николаевна покачала головой:

– Н-нет... Сегодня не стоит.

– Тогда завтра?!

Можно подумать, что мне больше всех надо.

– Пожалуй, завтра...

– Часиков в семь?

– Д-да, приходите.

– Огромное вам спасибо, – закивала я. – Значит, завтра в семь я буду у вас.

– Запишите адрес. Улица Ново...

– Не надо. – Было бы непростительно детективу не знать маленькие тайны больших людей. – У меня уже все записано.

Сквозь вуаль на меня внимательно смотрели два карих глаза. Не надо быть Нострадамусом, чтобы понять, что вдова была в шоке от моей наглости. Однако вслух она ничего не стала говорить. И это правильно.

Я обернулась, почувствовав, что за мной наблюдают. Называйте это женской интуицией, шестым чувством, паранормальным явлением, бзиком и так далее, но я вам скажу, что уже давно научилась чувствовать кожей, откуда исходит опасность. Правда, это срабатывает не всегда. Почему-то.

На меня пристально смотрела молодая женщина лет двадцати восьми. Я давно уже научилась определять возраст на вид. Что значит квалификация!.. Скоро буду с точностью до одного часа вычислять дату рождения по форме ушей.

Во внешности особы было что-то знакомое. Что именно, я не поняла. Наверное, мы где-то встречались, только не помню, где, зачем и при каких обстоятельствах. За мою уже довольно солидную практику частного детектива я повидала столько людей, таких разных, что можно садиться за труд по психологии.

Девушка тут же отвела глаза, повернулась и пошла к выходу. Я проводила ее взглядом, отметив про себя спортивную походку, развитую фигуру и походный стиль одежды. На незнакомке были джинсы фирмы «Levi's», серый шерстяной свитер и когда-то белоснежные кроссовки. В руках ничего не было, кроме свернутого легкого плаща, слегка забрызганного грязью.

Глава 5

Ровно в семь часов вечера я звонила в дверь квартиры номер двадцать в доме по улице Новокузнецкой.

Дверь открыла Татьяна Николаевна. Она была одета в вечерний костюм, будто собиралась на светский раут. Светло-каштановые волосы рассыпались по плечам.

Я поняла, что этот стиль одежды предназначался для меня, и стало немного неловко за свои несколько потертые джинсы и легкий пуловер. Ну и что такого, в конце концов? Не в смокинге же ездить по городу в машине.

– Входите...

Я уселась на диванчик, поверхность которого просела под моей тяжестью. Мне тут же захотелось попрыгать на нем, хохоча от радости, но пришлось взять себя в руки. Обшивка была основательно вытерта, причем в одном месте. Там, где чаще всего садились.

– О чем вы хотели поговорить? – спросила Татьяна Николаевна.

– Я не верю, что Александр Иванович умер от сердечного приступа.

– Но заключение экспертизы...

Я не сдержалась и раздраженно махнула рукой. Уже и нервы ни к черту.

– Смерть от сердечного приступа можно вызвать искусственным способом. Спровоцировать. Секреты этого знают профессиональные киллеры и врачи. Впрочем, в настоящее время об этом может узнать любой, кто только захочет. Если, конечно, постарается.

– Что же вы хотите от меня?

– вспомните, может быть, с Александром Ивановичем что-то странное происходило в последнее время. Кто-нибудь преследовал его, домогался чего-нибудь?

Татьяна Николаевна покачала головой.

– Нет, не припомню... Все как обычно. Мы жили спокойно, запросов больших не было, старались быть внимательными друг к другу. В общем, ничего такого.

– Александр Иванович был старше вас?

– Да, на восемь лет. Я работаю в филармонии, там мы и познакомились. Александру Ивановичу было тридцать, мне – двадцать два, когда мы поженились.

– Такой видный мужчина – и женился только в тридцать лет?

Женщина пожалала плечами.

– Я мало что знаю о его прошлом. До нашей встречи, конечно. Знаю, что он пел в театре в Белогорске. Затем приехал сюда. Мы познакомились и создали семью.

Все очень просто. Пришел, увидел, победил. Тоска на ушах. Только почему-то люди умирают и – самое главное – не по своей воле.

– А почему он ничего не рассказывал о том, что было до вашей женитьбы? – спросила я.

– Наверное, не о чем было говорить...

Так уж и не о чем. При мне Пономаренко так и сыпал фактами из жизни, рот не закрывался. И вообще мне не нравится, что из вдовы каждое слово надо тянуть клещами. Как на пытке в подвалах НКВД.

– Вы хоть что-нибудь расскажите мне об Александре Ивановиче. – Еще немного, и я стану бушевать, как дядька Черномор. – Где он учился, например?

– Там же, в Белогорске. После окончания поступил в театр, стал петь.

– И все? – Черт знает что и думать об их отношениях.

– А больше он ни о чем не рассказывал. Отмалчивался. Или переводил разговор в другое русло.

Странное дело, у человека были секреты от своей жены. Хотя столько лет прошло... И тем не менее здесь кроется какая-то тайна, не будет же человек старательно скрывать прошлое,

словно он шпион какой-то. Пора заканчивать этот бестолковый разговор и спросить о самом главном:

– Я берусь за это дело? Как частный детектив.

Ну же, девушка, поддавайся на уговоры, и побыстрее.

– Мне надо подумать, – произнесла Татьяна Николаевна. – Ваши услуги стоят денег.

Сейчас все стоит денег, чтоб ты знала. Скоро чихнуть нельзя будет без того, чтобы не отстегнуть рубль кому-нибудь.

– Бывают случаи, когда я работаю бесплатно, – с видом дворника, полгода не получающего зарплату, сказала я. – Если вы возьмете на себя некоторые расходы, то мы договоримся. В конце концов, склонность к благотворительности не чужда и нам, частным детективам.

Иногда приходится воспитывать взрослых людей.

– Хорошо, – вздохнула вдова. – Я согласна. У меня остались некоторые сбережения после Александра, давайте возьмем этот фактор в расчет.

Без проблем.

С сожалением я поднялась с диванчика и направилась к выходу. Накинув куртку, извлекла из сумочки визитную карточку и протянула Татьяне Николаевне:

– Звоните в любое время, работаем круглосуточно.

Я вышла из подъезда, поравнялась с машиной и стала отпирать дверцу. Уже стемнело, и почти не было видно прохожих. К тому же улочка была не из центральных.

Черт!

Прямо на меня на полной скорости мчался автомобиль, совершенно не собирающийся сворачивать в сторону. Кто-то явно собирался сделать из меня труп!

Словно мартовская кошка, за которой одновременно гонятся сто изголодавшихся котов, я прыгнула на капот машины и перекатилась на другую сторону, умудрившись спружинить на ноги.

Автомобиль-убийца вспышкой электросварки пронесся мимо, чиркнув по корпусу моей машины. Я забежала вперед и увидела широкую белесую полосу на дверце! Сволочь! Мудила грешный! Теперь ремонт придется делать из-за какого-то козла. Нет уж, тебе придется ответить!

Я прыгнула на сиденье машины и запустила двигатель, вытянув на себя ручку акселератора. С резвостью гонщика-самоубийцы вырулила на проезжую часть, с досадой смотря вслед автомобилю, который почти исчез из виду. Хоть бы запомнить номер!

Я мчалась по улицам Тарасова со скоростью восемьдесят километров в час, пытаюсь настигнуть убийцу. Не хватало еще, чтобы какой-то дегенерат покушался на мою жизнь.

Несмотря на все усилия, расстояние между нами сокращалось медленно. У меня было такое чувство, что водитель неизвестного транспортного средства не слишком хорошо ориентируется в нашем городе и бросает автомобиль то вправо, то влево, как придет на ум. Я пыталась не отставать, хотя это было не так просто: неизвестный злоумышленник мог запросто исчезнуть в лабиринте улочек.

Я присмотрелась и вроде бы определила, что убийца владеет автомобилем «Жигули» шестой модели непонятно какого цвета: то ли белого, то ли бежевого, то ли светло-серого. Ночью, как говорится, «хвосты у всех кошек на одно лицо». Я поняла, почему невозможно было определить цвет: машина была в грязи по кончик антенны. По этой же причине не было никакого толку в том, чтобы попробовать разглядеть да еще запомнить номер. Он был старательно замазан той же субстанцией.

Не повезло.

Оставалось одно: схватить злоумышленника за задницу и стукнуть пару раз носом об капот, как это делают американские полицейские перед тем, как зачитать права. Я нажала носком ботинка на педаль газа и увеличила скорость до восьмидесяти восьми км/ч в час. Еще

немного – и я перемещусь во времени и окажусь в другом столетии, среди крепостных крестьян.

Раскатала губенки, да не про то.

Совершенно неожиданно я услышала вопли сирены одновременно с приказом остановиться. Пришлось подчиниться, чтобы не нажить себе еще больших неприятностей. Я сбавила скорость и прижалась к обочине. Рядом остановилась «десятка» «ВАЗ», оборудованная мигалками и надписью «ГИБДД». Из машины выскочили двое гаишников в кожанках.

– Ваши документы! – рявкнул высокий парень с тонкими усиками под курносый нос. Я протянула свое водительское удостоверение.

– Выходите из машины!

– Пожалуйста...

Напарник, который был на две головы ниже и у которого ноги напоминали сплющенное велосипедное колесо, молча рассматривал меня, не говоря ни слова. По всей видимости, он не слишком хорошо владел русским языком.

– Тебе жить надоело? – рявкнул номер первый. – С какой скоростью вела машину?

– Признаюсь, что превысила ее значительно, – с сожалением в голосе произнесла я. – Готова понести справедливое наказание.

Номер второй зачем-то снова полез в служебный автомобиль и предстал передо мной со стеклянной трубочкой в руке.

– Проба на алкоголь!

– Э, нет! – твердо произнесла я. – Во-первых, вы должны вскрыть трубочку при мне, а во-вторых – где понятия? Их должно быть двое, не меньше. Так что бросайте ваш спектакль, номер не пройдет.

– Я тебе дам – не пройдет! – хриплым медвежьим голосом проревел высокий. – Проба на алкоголь!

Я медленно покачала головой.

– Признаю, что превысила скорость, на это у меня была веская причина. Составляйте протокол, и дело с концом. Завтра же я оплачу штраф.

– И какая же причина была в том, чтобы ехать по городу со скоростью девяносто километров в час?

Рассказать или нет? В конце концов, почему я одна должна отвечать за чужие грехи?

– На меня чуть не наехал водитель автомобиля «Жигули», который скрылся. Я хотела догнать его и разобраться.

Милиционеры не поверили.

– Мы видели только одну машину – твою, тебе и отвечать.

Я сдалась.

– Сколько с меня?..

Глава 6

Итак, на сцену вышел еще один персонаж, о котором я ничего не знаю. Вернее, знаю то, что он владеет автомобилем «ВАЗ» шестой модели непонятно какого цвета и довольно неплохо его водит. И что прикажете мне делать? Проверять одного за другим всех владельцев «шестерок»? На это у меня полжизни уйдет, если не больше.

Послание в газету бесплатных объявлений тоже не велика улика. Хотя...

Я достала из мешочка гадальные кости. Пора получить бесплатную консультацию по интересующим меня вопросам.

Бросок. 13+30+12 – «Удача в начинаниях».

Это мне уже нравится. Значит, пора начинать ходить какой-нибудь фигурой, пусть даже самой незначительной, вроде короля.

Итак, что мы имеем на сегодняшний день, кроме газеты бесплатных объявлений?

Стоп!

Если мои начинания будет преследовать удача, тогда, может быть, попробуем сделать ответный ход? Воспользоваться тем же оружием, что и нападающий? Смерть неверным?

Я еще раз просмотрела купон.

«ПЕВЦУ:

Забудешь про триумф крылатый,

Когда настанет час расплаты.

ТОТ, КТО ТРЕБУЕТ ОТВЕТА».

На сей раз ответ буду требовать я!

* * *

Редакция газеты бесплатных объявлений помещалась на третьем этаже пятиэтажного здания по улице Первомайской. Я постояла у входа, рассматривая табличку-указатель, и начала уверенно подниматься вверх по лестнице.

– Хочу опубликовать объявление, вернее, послание, – заявила я женщине старше сорока лет с узлом крашенных в каштановый цвет волос на затылке, которая зябко куталась в шаль. В помещении до сих пор не включили отопление, хотя был конец октября.

– Кладите на стол. Что у вас? Объявление?

– Нет, – произнесла я, держа в руке заклеенный конверт без подписи, – у меня послание. Можно поместить его в номер, выходящий на этой неделе?

– Можно, – кивнула женщина. – С объявлением пришлось бы подождать, а послания выходят быстро.

Я бережно водрузила конверт на указанное место.

– Еще вопрос... – осторожно произнесла я.

– Да, пожалуйста!

– Как можно узнать, кто передал для печати тот или иной материал? Их передают лично или?.. Возможны варианты?

Женщина внимательно посмотрела на посетительницу. Такой же взгляд был у Мюллера, когда он допрашивал английских парашютистов.

– Бывает, что послания приносят, как вы сегодня. Обычно же их присылают по почте.

– Спасибо. Не забудьте, на этой неделе...

Я выскользнула в дверь.

* * *

Послание действительно вышло точно в назначенный срок, меня не обманули.

Целый вечер я мусолила листок бумаги, напрягая мозги, чтобы сочинить ответ для ТОГО, КТО (видите ли) ТРЕБУЕТ ОТВЕТА. Это оказалось потруднее, чем толковать цифровые комбинации гадальных костей. В искусстве поэзии я оказалась далеко не так сильна, как по части частного сыска. Придется пойти на курсы поэтов и писателей, если таковые, конечно, существуют.

И вот что у меня наконец получилось:

«ТОМУ, КТО ТРЕБУЕТ ОТВЕТА:
На краю бездонного колодца
Ответ тебе держать придется.
ДЕТЕКТИВ».

Почему разборка будет происходить именно на краю бездонного колодца, я и сама не имею ни малейшего понятия. Просто подобралась рифма: «придется» – «колодца». Я начала сочинять с конца, а потом придумала начало. По-другому просто не сумела. В принципе в этих строках есть свой кайф: ставишь преступника на край дыры в бетоне и требуешь от него ответа. И ничего тому не остается, как взять и сразу расколоться. И это будет на краю колодца!

Все, пошел процесс стихосложения.

Кстати, после получения ответа можно сбросить злоумышленника на дно. Пусть, пока летит, подумает над своим поведением и осознает, насколько нехорошо он поступил с ни в чем не повинными людьми. Гад!

Теперь оставалось ждать ответа. Если игра будет принята, то появится пусть маленькая, но зацепка.

Жалко, что это случится не сразу. Газету сначала надо получить (или купить), затем найти послание, удивиться тому, что оно опубликовано, и бросаться сочинять ответ. Сколько времени уйдет на это? Неделя, две?

Две.

С самого утра я помчалась в ближайший киоск «Роспечати».

– Пожалуйста, газету бесплатных объявлений!

Я тут же, на месте, как говорится, не отходя от кассы, пролистала все тридцать шесть страниц, пока не нашла рубрику «Послания». Быстро пробежала глазами все, что граждане, имеющие избыток свободного времени, выплеснули на страницу тридцать два, и...

...и ничего не обнаружила!

Ответа не было!

Не может быть! Неужели моя теория не сработала?

Стоп! Спокойно. Надо взять себя в руки и внимательно просмотреть весь материал от первой строчки до последней.

Есть!

Ответ был напечатан в верхней части тридцать третьей страницы, на что я поначалу не обратила внимания.

И вот что я прочла:

«ДЕТЕКТИВУ:
Пусть смерть его для вас утрата,
Имею право на ответ.
Ведь у меня он отнял то,
Чего дороже не было и нет.

ТОТ, КТО ТРЕБУЕТ ОТВЕТА».

Я прониклась невольным уважением к человеку, который может так писать. Пусть даже он пытался сделать из меня мокрое место на асфальте, но в таланте ему не откажешь. Творческий человек, он к любому делу подойдет профессионально, даже полы вымоет так, что залюбуешься. Наверняка у товарища есть образование не хуже, чем у самого Пономаренко.

Я поднялась к себе домой и стала перечитывать послание, чтобы понять, что из него можно выжать, какую именно информацию. Итак, что мы имеем на сегодняшний день, кроме того, что мой оппонент требует сатисфакции? Получается, что Пономаренко отнял у него что-то очень дорогое. Что же это?

Деньги?

Если быть честным до конца, то деньги не самое дорогое на этом свете. Или я ошибаюсь? Правда, в основном убивают как раз из-за денег. Ты должен и не отдаешь, за это тебя – чик по горлу. Или еще по какому-нибудь более пикантному месту.

В этом случае нужно искать кредитора. Раз.

Что дальше?

Честь? Я вздохнула, как слон на водопое. Жидковата версия. Не выдерживает критики, потому что сейчас не девятнадцатый век, на дуэль не вызывают, а предпочитают всадить нож в спину.

Допустим, Пономаренко кому-то перешел дорогу?

Тоже мыльный пузырь. Кому может перейти дорогу тенор, который работает в театре, получает не слишком большие деньги и к тому же вскоре свалит на пенсию? Вот если бы это был крупный шоу-бизнес, тогда понятно. Там конкуренция большая и бывает так, что гибнут люди.

Короче, ни одна мысль мне не понравилась. И все-таки здесь какая-то тайна, и она касается далекого прошлого Пономаренко. Что этот человек делал в прошлом? Учился? Женился? Играл в карты? Делал деньги?

Ерунда какая-то. Ничего не остается, как обратиться за помощью к гадальным костям.

Первый бросок. 36+20+1. «Приготовьтесь к долгому и утомительному путешествию».

Куда ехать, я уже знаю – в Белогорск! Там Пономаренко учился, там начинал работать, оттуда он сбежал. Почему? Это надо выяснить. И что это за большое несчастье? Самое страшное, чего я не переживу, – прокол колеса на пустынной дороге и отсутствие запасного. Крушение планов меня тоже не устраивает, нет смысла затевать эту самую поездку.

Так что же делать? Ехать или нет?

Не поеду...

Глава 7

14 ноября погода была хмурой и морозной. Машина мчалась по трассе на Белогорск, которая с самого утра покрылась тонким ледяным налетом. Впереди несколько часов непрерывной езды по жутким дорогам, состояние которых было словно после землетрясения.

Около часа дня показался пост ГАИ перед въездом в столицу края. Суровый инспектор проверил документы, осмотрел автомобиль и тронул козырек: проезжайте.

Здание консерватории, где учился в свое время Пономаренко, найти было нетрудно. Кажется, даже младенец, родившийся в этом городе, знал, где находится это учреждение. Первый встречный дяденька весьма доходчиво объяснил мне, что консерватория находится на улице Чешской, по которой можно только ходить пешком, поэтому целесообразнее будет завернуть на улицу Радонежа и то с обратной стороны, потому что там одностороннее движение. Место для парковки придется поискать, но это не составит больших проблем.

Наконец, колеся по улочкам города, я добралась до здания, в котором учились будущие звезды российской культуры. Я вышла из машины и ахнула. Тарасов такого не видал. Здание было выполнено в духе немецких построек с башенкой в готическом стиле и остроконечными окошечками. Пожалуй, это была красивейшая постройка в городе и, к сожалению, не исконно русская.

Пономаренко в этом учреждении знали и весьма высоко ценили. Я заявила прямо к ректору и долго говорила с ним о роли культуры в деле воспитания российского гражданина, после чего получила адрес старенького профессора, который преподавал в то время, когда учился Пономаренко.

Пришлось ехать на улицу Чернышевского и искать дом под номером сто двадцать.

Дверь открыл старичок невысокого роста в очках с толстыми стеклами.

– Простите, я могу видеть Бориса Ивановича Миловича?

Старичок мотнул головой с редкими седыми волосами:

– Это я. Чем могу служить?

– Разрешите?

Хозяин квартиры отступил в сторону:

– Пожалуйста.

Квартирка была так себе, малогабаритка. Развернуться особенно было негде, если учесть, что посреди комнаты стоял рояль размером с тихоокеанского кита, заставлявший посетителей двигаться по стенке.

Мне была предложена старенькая табуретка, на которую я с удовольствием опустилась.

– Не знаю, насколько важным покажется вам мой вопрос, – рискнула начать я, слегка раскачиваясь на том самом предмете мебели, который был предложен обходительным хозяином. – Вы преподавали вокал в шестидесятых годах...

– И не только, – с готовностью отозвался Борис Иванович, – но и в семидесятых, восьмидесятых и даже в девяностых. Последние пять лет я не преподаю, пора и честь знать. Молодые пришли на смену нам, старикам. Наступают на пятки, так сказать.

А на пятках жуткого имиджа мозоли, подумала я про себя.

– Вы знали Пономаренко Александра Ивановича?

– Он поет в оперном театре в...

– Совершенно верно.

– Как поживает знаменитость?

– Он умер...

Я решила разрубить узел сразу. Молчание заполнило собой окружающее пространство. Старичок сложил сухие губы бантиком.

– Вот ведь как... Ай, как жалко, хороший был человек.

– Борис Иванович, припомните, не было ли у Пономаренко завистников или откровенных врагов? Пожалуйста, это очень важно.

Старичок пожал плечами.

– Давно было дело, но я помню. На том курсе было двое ребят – Пономаренко Александр и Войнович Геннадий. Остальные все – девчонки. Как раз для их выпуска в нашем оперном театре была одна вакансия, нужен был актер. Вот они и спорили между собой – и тому и другому хотелось попасть в театр. Однажды они даже подрались друг с другом. Громкая история была, чуть не выгнали обоих взащей – и это перед самым-то выпуском! Виноват, конечно, был Войнович, уж очень он любил попетушиться. А в театр взяли все-таки Пономаренко. У Геннадия больно вспыльчивый характер был, не хотелось такого бузотера принимать на работу. Ох и обиделся Войнович. Пил целую неделю, мотался под окнами, орал непотребное.

Моему заду стало тепло, очевидно, я приближалась к разгадке. Бывший однокашник Пономаренко, вне всякого сомнения, был человеком образованным. Он вполне сумел бы написать пару стихотворных строк, посвященных своему давнему недругу. Кстати, газета бесплатных объявлений выходит одновременно в нескольких городах, включая Белогорск! Это я выяснила абсолютно точно, справившись в киоске «Роспечати».

– Борис Иванович, какими были отношения у Пономаренко с девушками?

– С девицами-то? Санька видным парнем был. Статным, красивым, девчонки его любили.

– Женился он поздновато, в тридцать лет. Уж очень странно, как вы думаете?

– Разве? – Мутноватые глаза старичка забегали туда-сюда, как тараканы при внезапно включенном электричестве. – Вот об этом я, простите старика, не знаю. Не помню... Только мне кажется, он вроде бы женился вскоре после окончания консы... или я ошибаюсь...

– После окончания чего?..

Старик явно устал, заговариваться начал.

– Я сказал «консы»? – Борис Иванович улыбнулся. – Так наши студенты называют консерваторию – «конса».

Мой словарный запас пополнился еще одним словом. Спасибо клиентам, выручают.

– А где сейчас этот Войнович?

– Где он сейчас – не знаю... А после окончания ушел в музыкальное училище преподавать.

– Отчество его не помните?

– Войновича? Нет, не помню... Генка – и все. Хорошо еще, что фамилию помню, в моем возрасте пора от склероза страдать.

В общем-то я выяснила все, что смогла. Пора искать этого самого Войновича и поговорить с ним с глазу на глаз, как Болек и Лелек.

Я распрощалась с гостеприимным старичком и поспешила на улицу.

* * *

– Нет, Войнович здесь больше не работает.

Я разговаривала с завучем, пожилой женщиной со стянутым на затылке пучком волос.

– Давно?

– Лет пятнадцать. Мы с облегчением вздохнули, когда он ушел.

– Были проблемы?

– С ним невозможно было работать. Грубый, вспыльчивый, приходил на работу, как бы это сказать, с жуткого похмелья. И было это почти каждый день.

– Как мне найти его? Дайте адрес.

– Ничем не могу помочь. Никаких данных не сохранилось.

– Может быть, вы посмотрите? – с надеждой спросила я.

– Нет-нет! Я знаю, что говорю! – уверенно заявила женщина. – По-моему, он ушел работать в подростковый клуб. Здесь неподалеку, может быть, до сих пор там работает...

Подросткового клуба уже не существовало. Помещение выкупили коммерсанты и устроили обыкновенный магазин с водкой, колбасой и шоколадом «в ассортименте».

Мне удалось выяснить, кому, в свою очередь, принадлежал тот самый клуб несколько лет назад, нашла эту самую организацию, которая оказалась банно-прачечным трестом, и нанесла визит в отдел кадров. Там мне повезло больше, потому что информация на всех работников, даже бывших, сохранялась в банке данных.

* * *

Дом номер двенадцать по улице Жуковского имел четыре этажа. Мне предстояло подняться на третий и позвонить в квартиру двадцать пять.

Я оказалась перед нужной дверью и протянула было руку к звонку, когда заметила, что та приоткрыта. Что бы это значило? Вход свободный или в квартире лежит труп?

Однако, стоя перед дверью, этого не узнаешь. Рискнем?

Я натянула на кулак рукав плаща, обезопасив себя от соприкосновения с обшарпанной поверхностью, покрашенной половой краской лет двадцать назад, и осторожно толкнула дверь. Та приоткрылась, издав звук, похожий на звучание симфонического оркестра, когда он настраивается перед концертом.

Я вошла в чужую квартиру. Было тихо.

Озираясь по сторонам, я чуть ли не на цыпочках прошла до жилой комнаты.

И вдруг! Совершенно внезапно я услышала душераздирающий крик. Какой-то болван налетел на меня сбоку и свалил на пол, вцепившись костлявыми руками в горло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.